

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-110-114>

EDN: <https://elibrary.ru/khxqlk>

НИОН: 2003-0059-6/25-417

MOSURED: 77/27-004-2025-06-616

Зарубежный опыт (США, Германия, Франция) осуществления предиктивного правосудия и перспективы его внедрения в российскую правовую систему

Давид Александрович Кононов^{1,2}

¹ Научно-исследовательский институт образования и науки, Москва, Россия, mail@law-books.ru

² Юридическая компания «ЛКП», Москва, Россия

Аннотация. Исследуются вопросы предиктивного правосудия в некоторых зарубежных государствах, сопоставляются модели США, Германии и Франции, фиксируются их нормативные «красные линии» (запрет профилирования судей; ограничения на закрытые риск-скоринги; приоритет судебной независимости и процессуальной справедливости), а также раскрывается европейский регуляторный контекст (квалификация применения ИИ в сфере правосудия как высокорискового). На основе сравнительного анализа предлагается дорожная карта внедрения предиктивных инструментов в России: от «слабого» (вспомогательного) использования для организационных и исследовательских задач до ограниченных режимов рекомендательных систем при обязательных процессуальных гарантиях, алгоритмическом аудите и запрете персонального профилирования судей и «автоматизации усмотрения».

Ключевые слова: предиктивное правосудие, legal analytics, риск-оценка, алгоритмическая прозрачность, судебная независимость, open data судебных решений, COMPAS, Article 33 (France), EU AI Act, российская судебная цифровизация

Для цитирования: Кононов Д. А. Зарубежный опыт (США, Германия, Франция) осуществления предиктивного правосудия и перспективы его внедрения в российскую правовую систему // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 110–114. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-110-114>. EDN: KHXLK.

Original article

Foreign experience (USA, Germany, France) in the implementation of predictive justice and the prospects for its implementation into the Russian legal system

David A. Kononov^{1,2}

¹ Scientific Research Institute of Education and Science, Moscow, Russia, mail@law-books.ru

² Law Firm «LKP», Moscow, Russia

Abstract. The issues of predictive justice in some foreign countries are examined, the models of the USA, Germany and France are compared, their regulatory «red lines» (banning the profiling of judges; restrictions on closed risk scoring; priority of judicial independence and procedural justice) are fixed and also the European regulatory context (qualification of the application of AI in the field of justice as high risk) are revealed. Based on a comparative analysis, a roadmap for the introduction of predictive tools in Russia is proposed: from «weak» (auxiliary) use for organizational and research tasks to limited modes of recommendation systems with mandatory procedural guarantees, algorithmic auditing and the prohibition of personal profiling of judges and «automation of discretion».

Keywords: predictive justice, legal analytics, risk assessment, algorithmic transparency, judicial independence, open data of court decisions, COMPAS, Article 33 (France), EU AI Act, Russian judicial digitalization

For citation: Kononov D. A. Foreign experience (USA, Germany, France) in the implementation of predictive justice and the prospects for its introduction into the Russian legal system. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):110–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-110-114>. EDN: KHXLK.

Предиктивное правосудие (*predictive justice*) представляет собой комплекс технологий правовой аналитики и машинного обучения, позволяющих прогнози-

ровать исходы судебных споров, параметры решений (сроки, размеры компенсаций, вероятность удовлетворения требований), а в отдельных юрисдикциях —

© Кононов Д. А., 2025

оценивать риски (например, рецидива) для целей мер пресечения, наказания, пенитенциарных и условно-досрочных решений [8].

Цифровизация судопроизводства почти во всех развитых юрисдикциях начиналась с инфраструктуры: электронная подача документов, цифровые досье, видеоконференцсвязь, публикация судебных актов, поисковые платформы. Следующий технологический слой — правовая аналитика, где массивы судебных решений становятся не только «архивом», но и «материалом» для статистических выводов: типовые исходы, средние сроки, вариативность санкций, предикторы удовлетворения требований [12]. Именно здесь возникает, на наш взгляд, предиктивное правосудие как социально-правовой феномен, который меняет баланс между: (а) принципом индивидуализации и усмотрением судьи и (б) ценностью единообразия практики и предсказуемости права. Важно при этом различать:

- во-первых, предиктивную аналитику для сторон/юристов (оценка перспектив, выбор стратегии, предсказание диапазона выплат/сроков);
- во-вторых, предиктивные инструменты внутри судебной системы (распределение нагрузки, прогноз сроков, поиск противоречий практики, «черновики» документов);
- в-третьих, риск-оценку в уголовной юстиции (вероятность рецидива/неявки/нарушений) как наиболее конфликтногенную область.

В рамках настоящей статьи предиктивное правосудие нами понимается как использование алгоритмических моделей (статистических и/или ML/AI) для: прогноза исхода дела или вероятности удовлетворения конкретных требований; прогноза параметров решения (срок, сумма, процессуальные траектории); сопоставления «похожих дел» и диапазонов правоприменения; оценки рисков поведения лица в рамках уголовной юстиции (*bail/pretrial, sentencing, parole*).

Технология «электронное правосудие» понимается по-разному и включает в себя несколько составляющих.

1. *Ведение «электронного дела».* Обязательным условием функционирования технологии «электронного правосудия» является ведение дел как на привычном бумажном носителе, так и в электронной версии (все документы, находящиеся в деле, сканируются и вносятся в базу). К преимуществам, несомненно, можно отнести очевидную экономию времени и денежных средств, автоматизацию делопроизводства. В этом случае нет необходимости запрашивать дела из других судов, а также тратить денежные средства на копирование материалов. К тому же хранение материалов дела в электронном виде способствует и более надежной их сохранности. Однако основным проблемным вопросом является вероятность утечки информации через несанкционированный доступ. В то же время определенных затрат требует и сканирование дел, как находящихся в архивах судов, так и вновь поступаю-

щих.

2. *Подача заявлений и жалоб в суды через Интернет,* что, соответственно, уменьшает сроки доставки обращений в суд и расходы на нее. Однако возникают проблемы удостоверения подлинности обращения.

3. *Фиксация процесса судебного разбирательства дела на установленные в зале судебного заседания цифровые видеокамеры и микрофоны.* Таким образом, фиксируется все происходящее в процессе разбирательства. В случае установки специального автоматического оборудования фальсификация результатов видеосъемки становится практически невозможной. Из недостатков необходимо отметить высокую стоимость оборудования.

4. *Обеспечение доступа к текстам судебных решений и к материалам дела всем желающим посредством сети Интернет.* При реализации данного аспекта технологии «электронного правосудия» необходимо учитывать конфиденциальность некоторой информации, которая находится в материалах дела. Если открыть доступ к материалам дела для всех желающих, то в определенных случаях могут быть затронуты личные права человека, подвергнута разглашению коммерческая тайна субъекта хозяйствования либо дискредитирована деловая репутация. Тем не менее, конфиденциальность таких материалов может быть гарантирована, например, посредством криптографических средств защиты информации (электронная цифровая подпись, открытые/закрытые ключи пользователей) либо «обезличиванием» персональной информации.

Что касается зарубежной практики, то, например, судебная система США (*State Unified Court System*) понимает под «электронным правосудием», прежде всего, доступ к судам, получение информации о судебных делах, поиск документов, их направление из и в пределах суда, получение информации о сторонах по делу, о дате подачи и сохранения документа, иной информации, связанной с судопроизводством, а также о практике юридических фирм [7]. В США также действуют системы «Управление делами/Электронный Архив дел» (*Case Management/Electronic Case Files* (далее - *CM/ECF*) и «Открытый электронный доступ к судебным материалам» (*Public Access to Court Electronic Records* (далее — *PACER*) [1]. Само название системы *CM/ECF* указывает на комбинацию двух систем, которые выполняют следующие функции: управление делами (*CM*) и электронный архив дел (*ECF*). Эти два компонента формируют интегрированную систему, которая, в свою очередь, дополнена технологией «Открытый доступ к судебным электронным данным», позволяющей пользователям получать доступ к электронным файлам дел, созданным с использованием системы *CM/ECF*. В целом, внедрение и использование систем *CM/ECF*, *PACER* основываются на принципе поэтапности, принципе доступности (свободный доступ к системе любого заинтересованного лица, а также простота использования технологий), принципе тождественности (документы на электронных и бу-

важных носителях должны быть идентичны), принципе учета (фиксация всех обстоятельств, связанных с обменом информацией посредством системы), принципе сопряжения с внутренними системами электронного документооборота и др. [11].

Американская практика наиболее известна применением риск-оценок в уголовной юстиции. Самый цитируемый конфликт — использование COMPAS при вынесении приговора и вопрос о том, нарушает ли закрытость алгоритма право на надлежащую правовую процедуру (due process). В деле *State v. Loomis* Верховный суд штата Висконсин допустил использование риск-оценки при соблюдении оговорок, а Верховный суд США отказался пересматривать дело (cert. denied). Дискуссия в США разворачивается вокруг трех важных проблем:

- непрозрачность (trade secrets, закрытые модели);
- смещение и дискриминация (bias) и проблема метрик справедливости;
- эффект «автоматизационного уклона»: судья может подсознательно «делегировать» оценку опасности модели.

При этом американский опыт показывает: даже если модель повышает среднюю точность прогноза, она может: во-первых, закреплять структурные перекосы данных (полицейская статистика, практики обвинения); во-вторых, менять распределение бремени ошибки (кому «достанутся» ложноположительные решения).

В США параллельно формируются «мягкие» стандарты корректного использования риск- и needs-assessment при назначении наказания (в т. ч. через экспертные и судебно-административные центры). Таким образом, США демонстрируют, что риск-оценка в уголовной сфере — не столько технический, сколько конституционно-процедурный проект: без механизмов оспаривания, раскрытия допущений и независимого аудита легитимность будет разрушаться.

Вторая ветвь США — прогнозирование исходов гражданских и коммерческих споров для юридического рынка: аналитика по судам, категориям дел, практикам, временным профилям, типовым размерам взысканий. Здесь ключевой драйвер — данные и экономика юридических услуг; пример — платформы типа Lex Machina и аналогичные продукты. Системный риск этой ветви — «информационное неравенство»: крупные игроки получают статистическое преимущество, которое может конвертироваться в давление на слабую сторону и усиление асимметрии доступа к правосудию.

Цифровизация правосудия в Германии развивается не как технократический проект «ускорения судов», а как последовательная перестройка процессуальной инфраструктуры, где допустимость каждой технологии проверяется на совместимость с фундаментальными гарантиями правового государства. В практическом смысле это означает: (1) первичность норм процессуального права, (2) формализованную, стан-

дартизированную и безопасную коммуникацию, (3) федеративно-координационный характер внедрения, (4) осторожное отношение к инструментам, которые способны влиять на оценку фактов и права (включая ИИ) [9].

Немецкий правовой подход к цифровизации правосудия заметно осторожнее американского. В обзорах по Германии подчеркивается, что в уголовной юстиции на данный момент не используется ИИ-инструментарий для алгоритмической оценки рецидива и назначения наказания; правовая литература и институциональные акторы демонстрируют высокий скепсис. При этом допускается идея «базы наказаний» (sentencing database), которая с помощью ИИ может подбирать прецедентно близкие случаи и давать судье ориентир (soft guidance), но не заменять решение. В той же логике фиксируются риски:

- дискриминационные эффекты из-за «biased programming»;
- опасность влияния на независимого судью через непрозрачные стандартизации.

Немецкая модель цифровизации правосудия, таким образом, характеризуется приоритетом процессуальных гарантий и правовой определенности над технологической «скоростью внедрения». Немецкая правовая культура выстраивает цифровизацию как производную от конституционных требований:

1. Судебная независимость (Art. 97 GG): судья независим и подчинен только закону. Это формирует скепсис к инструментам, которые фактически задают «норму по умолчанию» (например, рейтинги судей, скрытые алгоритмические рекомендации по исходу) [6].

2. Право быть выслушанным (Art. 103 Abs. 1 GG): цифровая процедура не должна ухудшать возможности стороны представлять доводы и реагировать на материалы дела [5].

3. Информационная самоопределенность (Volkszählungsurteil, 15.12.1983): конституционно значимый стандарт для любой обработки данных государством, в том числе в судебной ИТ-инфраструктуре (массовые массивы, маршрутизация, метаданные, доступы, логирование) (bundesverfassungsgericht.de) [3].

Именно эта триада объясняет, почему Германия делает ставку на «процессуально надежную» цифровизацию (каналы, подписи, стандарты, подтверждения доставки), а не на широкую экспериментальную алгоритмизацию судебного усмотрения.

Ключевой институт немецкой судебной правовой системы — электронный документ в гражданском процессе (§ 130a ZPO). Норма фиксирует требования к пригодности документа для обработки судом, условия подписи/аутентификации, а также юридически значимый момент поступления (в частности, через хранение на предназначенном судом приемном устройстве и выдачу подтверждения). Электронный документ при этом не является «аналогом бумаги», а представляет собой самостоятельный процессуальный формат с собственными критериями действительности и до-

казуемости доставки. Более того, немецкая модель принципиально различает «право» и «обязанность» пользоваться цифровыми каналами. Для профессиональных участников (прежде всего адвокатов и органов) закреплена активная обязанность подачи процессуальных документов в электронном виде (§ 130d ZPO). В результате цифровизация перестает быть факультативной: электронный правовой оборот превращается в стандартный режим коммуникации, а «бумажная подача» требует специальных оправданий (например, техническая невозможность).

Немецкий правовой подход к цифровизации правосудия можно квалифицировать как модель «цифрового доверия»: технологические решения допускаются постольку, поскольку они встроены в процессуальные формы и не снижают уровень конституционных гарантий. Центральные элементы — электронный документ (§ 130a ZPO), активная обязанность профессиональных участников (§ 130d ZPO), техническая стандартизация (ERVV), защищенная коммуникационная инфраструктура (EGVP и особые Postfächer), стандартизация данных (XJustiz) и переход к eAkte с 01.01.2026 г. для вновь создаваемых дел [2]. Одновременно европейская квалификация ИИ для правосудия как high-risk закрепляет высокую «цену ошибки» и делает предсказуемой немецкую осторожность в зоне алгоритмизации судебного расуждения [4].

Таким образом, на примере немецкого законодательства допустимы инструменты, усиливающие единообразие через поиск аналогов, но неприемлемы модели, которые подменяют индивидуализированную оценку виновности/личности и встраивают «скрытую норму» в код.

Европейский AI-регуляторный тренд — квалифицировать ИИ-системы, применяемые в правосудии/администрировании правосудия, как high-risk, что влечет повышенные требования к управлению рисками, качеству данных, документации, надзору и др. Практически это означает: Европа институционально предполагает, что ошибка предиктивной модели в суде — не «технический дефект», а риск для фундаментальных прав. В публичном дискурсе часто фигурирует «эстонский робот-судья». Однако официальные разъяснения Минюста Эстонии прямо указывали, что государство не разрабатывает «AI judge», заменяющего судью; речь при этом идет о снижении административной нагрузки и поиске ИКТ-решений. Это важно для России: опаснее всего не «ИИ в суде», а маркетинговая легенда, которая запускает неправильные ожидания общества и провоцирует регуляторные ошибки (например, преждевременную легализацию автоматических решений без гарантий) [10].

Российская судебная цифровизация уже обсуждает ИИ как инструмент, прежде всего, вспомогательный: подготовка проектов судебных актов, расшифровка аудиопротоколов, интеллектуальный поиск и анализ практики — именно в такой постановке вопроса тема присутствует в материалах судебного со-

общества и связанных проектов цифровых сервисов. Отсюда ключевой, на наш взгляд, вывод: для России технологически и институционально наиболее естественен путь «weak AI in justice» (ИИ как помощник), а не «algorithmic adjudication».

Французская модель показывает, что predictive justice возникает там, где государство открывает массивы судебных решений и тем самым создает рынок вторичной обработки данных. Министерство юстиции Франции прямо описывает режим open data судебных решений и календарь раскрытия массивов, включая поэтапность публикации по видам юрисдикции и категориям дел (Ministère de la justice). Следствие: предиктивность во Франции в значительной степени — рыночный продукт (legal tech), а не «автономная судебная машина».

Ключевой французский урок — ограничение «judge analytics». Закон о реформе правосудия 2019 г. (известная в дискуссии «норма статьи 33») закрепил запрет повторного использования идентификационных данных магистратов и сотрудников аппарата в целях их оценки, сравнения, ранжирования или профилирования. (Légifrance). Смысл запрета прагматичен: предотвратить (а) коммерческое «ранжирование судей», (б) давление на независимость, (в) стратегическое «judge shopping» на основе персональных профилей и (г) риски безопасности. Таким образом, французская модель фактически легализует предиктивность по делу, но блокирует предиктивность по судьбе. Это тонкая конструкция: государство одновременно стимулирует доступ к праву и инновации через open data, но удерживает институт судебной независимости от превращения в «объект рейтинга».

Таким образом, проведенное обзорное сравнение законодательства о цифровизации судопроизводства во Франции, США и Германии показывает, что предиктивное правосудие не является универсальным для всех стран «единым продуктом». Скорее, оно представляет собой набор инструментов, которые либо усиливают доступ к праву и управляемость системы (безопасная зона), либо создают системный конфликт с процессуальной справедливостью и судебной независимостью (опасная зона). Например, Франция демонстрирует нормативный прием «открыть решения — но запретить профилирование судей». США показывают, что закрытые риск-скоринги в уголовной сфере неизбежно становятся предметом конституционного спора (Loomis/COMPAS), а также объектом общественной критики из-за bias-дебатов. Германия показывает современную модель «soft guidance» и институциональный скепсис к автоматизации уголовно-правового усмотрения.

Список источников

1. About Case Management // URL: http://www.uscourts.gov/cmecf/cmecf_about.html
2. Bundestag. Материалы о регулировании внедрения eAkte и переходных решений (2025) // URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/>

- textarchiv/2025/kw46-de-e-akte-1123406
3. Bundesverfassungsgericht. Urteil vom 15. Dezember 1983 (Volkszählungsurteil), Az. 1 BvR 209/83 u. a. // URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1983/12/rs19831215_1bvr020983.html
 4. European Commission (AI Act Service Desk). Annex III: High-risk AI systems (в т. ч. для судебных органов) // URL: <https://ai-act-service-desk.ec.europa.eu/en/ai-act/annex-3>
 5. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Art. 103 // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_103.html
 6. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Art. 97 // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_97.html
 7. New York State Unified Court Systems // URL: <http://iapps.courts.state.ny.us/caseTrac/jsp/ecourt.htm/>
 8. Белоусов Д. В. Электронное правосудие и его роль в организации судебной защиты в России // Администратор суда. 2015. № 3. С. 20–22.
 9. Грудцына Л. Ю. Предиктивное судопроизводство : сравнительный анализ правоприменительной практики США, Германии, Франции и Китая // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 162–167.
 10. Грудцына Л. Ю. Цифровизация правосудия в Европейском Союзе // Международный научный вестник. 2025. № 7. С. 198–204.
 11. Грудцына Л. Ю. Электронное правосудие в США // Экономика и право. XXI век. 2025. № 1. С. 35–38.
 12. Рысков О. И. Управление документами в европейских странах : обзор нормативной базы // Делопроизводство. 2006. № 4. С. 8–14.
 2. Bundestag. Materials on the regulation of eAkte implementation and transitional solutions (2025) // URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2025/kw46-de-e-akte-1123406>
 3. Bundesverfassungsgericht. Urteil vom 15. Dezember 1983 (Volkszählungsurteil), Az. 1 BvR 209/83 u. a. // URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1983/12/rs19831215_1bvr020983.html
 4. European Commission (AI Act Service Desk). Annex III: High-risk AI systems (including for judicial authorities) // URL: <https://ai-act-service-desk.ec.europa.eu/en/ai-act/annex-3>
 5. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Art. 103 // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_103.html
 6. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Art. 97 // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_97.html
 7. New York State Unified Court Systems // URL: <http://iapps.courts.state.ny.us/caseTrac/jsp/ecourt.htm/>
 8. Belousov D. V. Electronic justice and its role in the organization of judicial protection in Russia // Court administrator. 2015. № 3. P. 20–22.
 9. Grudtsyna L. Y. Predictive legal proceedings : a comparative analysis of law enforcement practice in the USA, Germany, France and China // International Scientific Bulletin. 2025. № 4. P. 162–167.
 10. Grudtsyna L. Y. Digitalization of justice in the European Union // International Scientific Bulletin. 2025. № 7. P. 198–204.
 11. Grudtsyna L. Y. Electronic justice in the USA // Economics and law. XXI century. 2025. № 1. P. 35–38.
 12. Ryskov O. I. Document management in European countries : an overview of the regulatory framework // Office work. 2006. № 4. P. 8–14.

References

1. About Case Management // URL: <http://>

Информация об авторе

Д. А. Кононов — научный сотрудник Научно-исследовательского института образования и науки, руководитель практики «Сопровождение процедур банкротства и антикризисный консалтинг» Юридической компании «ЛКП», кандидат юридических наук.

Information about the author

D. A. Kononov — Researcher of the Scientific Research Institute of Education and Science, Head of the Practice «Support of Bankruptcy Procedures and Anti-Crisis Consulting» of the Law Firm «LKP», Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.